

Сергей Смирнов

Брестская крепость (фрагмент)

Часть первая

ЛЕГЕНДА, СТАВШАЯ БЫЛЬЮ

В ранний предрассветный час 22 июня 1941 года ночные наряды и дозоры пограничников, которые охраняли западный государственный рубеж Советской страны, заметили странное небесное явление. Там, впереди, за пограничной чертой, над захваченной гитлеровцами землёй Польши, далеко, на западном крае чуть светлеющего предутреннего неба, среди уже потускневших звёзд самой короткой летней ночи вдруг появились какие-то новые, невиданные звезды. Непривычно яркие и разноцветные, как огни фейерверка — то красные, то зелёные, — они не стояли неподвижно, но медленно и безостановочно плыли сюда, к востоку, прокладывая свой путь среди гаснущих ночных звёзд. Они усеяли собой весь горизонт, сколько видел глаз, и вместе с их появлением оттуда, с запада, донёсся рокот множества моторов.

Этот рокот быстро нарастал, заполняя собою все вокруг, и наконец разноцветные огоньки проплыли в небе над головой дозорных, пересекая невидимую линию воздушной границы. Сотни германских самолётов с зажжёнными бортовыми огнями стремительно вторглись в воздушное пространство Советского Союза.

И, прежде чем пограничники, охваченные внезапной зловещей тревогой, успели осознать смысл этого непонятого и дерзкого вторжения, предрассветная полумгла на западе озарилась мгновенно взблеснувшей зарницей, яростные вспышки взрывов, вздымающих к небу чёрные столбы земли, забушевали на первых метрах пограничной советской территории, и все потонуло в тяжком оглушительном грохоте, далеко сотрясающем землю. Тысячи германских орудий и миномётов, скрытно сосредоточенных в последние дни у границы, открыли огонь по нашей пограничной полосе. Всегда насторожённо-тихая линия

государственного рубежа сразу превратилась в ревущую, огненную линию фронта...

Так началось предательское нападение гитлеровской Германии на Советский Союз, так началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

В это утро в один и тот же час военные действия начались на всём пространстве западной границы СССР, протянувшейся на три с лишним тысячи километров от Баренцева до Чёрного моря. После усиленного артиллерийского обстрела, после ожесточённой бомбёжки пограничных объектов без малого двести германских, финских и румынских дивизий начали вторжение на советскую землю. Фашистские войска принялись осуществлять так называемый план "Барбаросса" — план похода против СССР, тщательно разработанный генералами гитлеровской Германии.

Три мощные группы германских армий двинулись на восток. На севере фельдмаршал Лееб направлял удар своих войск через Прибалтику на Ленинград. На юге фельдмаршал Рунштедт нацеливал свои войска на Киев. Но самая сильная группировка войск противника развёртывала свои операции в середине этого огромного фронта, там, где, начинаясь у пограничного города Бреста, широкая лента асфальтированного шоссе уходит в восточном направлении — через столицу Белоруссии Минск, через древний русский город Смоленск, через Вязьму и Можайск к сердцу нашей Родины — Москве.

Гитлеровский фельдмаршал Теодор фон Бок, командовавший этой группой армий «Центр», имел в своём распоряжении две полевые армии, а также две мощные танковые группы генералов Гудериана и Гота. Словно два тяжёлых тарана, эти танковые массы должны были проломить оборону советских войск севернее и южнее Бреста, прорваться далеко в наши тылы и, описывая две широкие сходящиеся дуги, встретиться через несколько дней в Минске. Это означало, что они отсекут и зажмут в кольцо наши дивизии, расположенные в приграничных районах — между Минском и Брестом. Окружить и уничтожить основные силы советских войск ещё по правую сторону Днепра, близ границы, — такова была задача, поставленная гитлеровским генеральным штабом перед центральной группой своих армий. А затем должен был последовать новый рывок к востоку — на Смоленск и дальше, к Москве. Противник рассчитывал, что, прежде чем советское

командование успеет сформировать в тылу и перебросить к линии фронта новые дивизии взамен уничтоженных в боях за Днепром, немецкие танки войдут в Москву и решат тем самым исход борьбы на советско-германском фронте.

Уже два года шла в Европе вторая мировая война, и за это время гитлеровская армия не знала поражений. Она разгромила Польшу, заняла Данию и Норвегию, захватила Бельгию и Голландию, нанесла жестокое поражение англо-французским войскам и покорила Францию. Совсем незадолго до нападения на СССР армия Гитлера добилась крупных успехов в войне на Балканах и оккупировала Грецию и Югославию. Воодушевлённые всеми этими победами, гитлеровские генералы были уверены в скором и успешном завершении своего восточного похода. Все этапы этого похода были расписаны по дням, и накануне войны германские офицеры на своих пирушках провозглашали тосты за победный парад на Красной площади через четыре недели.

Первые дни войны, казалось, подтверждали правильность этих самоуверенных предположений. События на фронте развивались как нельзя более благоприятно для гитлеровской армии. Была достигнута полная внезапность нападения, и советские войска в приграничных районах оказались захваченными врасплох неожиданным ночным ударом врага. Германская авиация сумела в первые же часы войны уничтожить на аэродромах и в парках большую часть наших самолётов и танков. Поэтому господство в воздухе осталось за противником. Немецкие бомбардировщики непрерывно висели над отступающими колоннами наших войск, бомбили склады боеприпасов и горючего, наносили удары по городам и железнодорожным узлам, а быстрые «мессершмитты» носились над полевыми дорогами, преследуя даже небольшие группы бойцов, а то гоняясь и за одиночными пешеходами, бредущими на восток.

На первый взгляд всё шло по плану, разработанному в гитлеровской ставке. Точно, как было предусмотрено, танки Гудериана и Гота 27 июня встретились под Минском; фашисты овладели столицей Белоруссии и отрезали часть наших войск. Через три недели после этого, 16 июля, передовые отряды германской армии вступили в Смоленск. Здесь и там отступающие с тяжёлыми боями советские войска попадали в окружения, несли большие потери, и фронт откатывался все дальше на восток.

Берлинская печать уже трубила победу, твердя, что Красная Армия уничтожена и в самое ближайшее время немецкие дивизии вступят в Москву.

Но в эти же самые дни войны проявилось нечто вовсе не предусмотренное планами гитлеровского командования. Итоги первых боев и сражений, несмотря на успехи фашистских войск, невольно заставляли задумываться наиболее дальновидных германских генералов и офицеров. Война на Востоке оказалась совсем непохожей на войну на Западе. Противник здесь был иным, и его поведение опрокидывало все привычные представления немецких военачальников и их солдат.

Это началось от самой границы. Застигнутые врасплох, потерявшие большую часть своей техники, столкнувшиеся с необычайно сильным, численно превосходящим противником, советские войска тем не менее сопротивлялись с удивительным упорством, и каждая, даже небольшая победа над ними добывалась чересчур дорогой ценой. Отрезанные от своей армии, окружённые советские части, которые по всем законам немецкой военной науки должны были бы немедленно сложить оружие и сдаться в плен, продолжали драться отчаянно и яростно. Даже рассеянные, расчленённые на мелкие группы, очутившиеся в глубоком тылу наступающего противника и, казалось, неминуемо обречённые на уничтожение, советские бойцы и командиры, не выпуская из рук оружия, пробирались глухими лесами и болотами на восток, дерзко нападали по дороге на обозы и небольшие колонны противника, с боем прорывались через линию фронта и присоединялись к своим. Другие, оставаясь в тылу врага, создавали вооружённые отряды и начинали ожесточённую партизанскую борьбу, в которую постепенно все больше втягивались жители оккупированных гитлеровскими войсками советских областей.

Это странное и необъяснимое упорство советских людей поражало и тревожило многих немецких полководцев. Во всех прежних походах на Западе, против кого бы ни сражались германские войска — будь то поляки или французы, англичане или греки, — они имели перед собой привычную линию фронта. По ту сторону этой линии был расстроенный, дезорганизованный отступлением противник, силы которого все больше слабели и которого лишь предстояло добить. Но все, что было позади, являлось уже прочно завоёванной, покорённой землёй.

Тут, в России, всё было не так. Правда, по ту сторону линии фронта тоже были отступающие, терпящие поражение войска. Но вопреки тому, что обычно случалось во всех кампаниях на Западе, сила сопротивления этих войск не уменьшалась, а возрастала по мере отступления в глубь страны, несмотря на все тяжёлые военные неудачи, которые выпали на их долю.

На фронте с каждым днём крепло сопротивление Красной Армии. Вслед за упорными арьергардными боями в западных областях Белоруссии и на Березине противнику пришлось испытать первые сильные контрудары наших войск в долгой кровопролитной битве под Смоленском. Рядом с донесениями об одержанных победах, о захвате больших пространств советской земли, о быстром продвижении в глубь России на штабные столы как грозное и зловещее предвестие будущего ложились перед германскими генералами отчёты и сводки с цифрами огромных потерь, понесённых их войсками в этих первых боях, потерь, отнюдь не предусмотренных планами фашистского командования.

Но и то пространство, которое лежало уже позади линии фронта, враг не мог считать ни завоёванным, ни покорённым. Это пространство смело можно было тоже назвать полем сражения, ибо здесь повсюду шла вооружённая борьба, то явная, то скрытая, но всегда необычайно ожесточённая и упорная. Дрались советские части, пробивающиеся из окружения, дрались сотни и тысячи мелких групп, пробирающихся к фронту по тылам врага. И уже поднималось грозной и неистребимой силой в густых лесах и непроходимых болотах Белоруссии губительное для захватчиков всенародное партизанское движение, руководимое подпольными организациями Коммунистической партии. Фронт фактически был повсюду, куда ступила нога оккупанта, он простирался на сотни километров в глубину от линии передовых отрядов немецко-фашистских войск до самой границы СССР.

И всё же положение было необычайно тяжёлым, смертельно опасным для нашей страны, для нашего народа. Потери фашистов, как бы велики они ни были, пока что не успели заметно ослабить размаха немецкого наступления. Враг ещё обладал большим численным и техническим перевесом, он бешено рвался вперёд. Первые крупные победы поднимали боевой дух гитлеровских солдат и офицеров, в руках германского командования были большие резервы, пополнявшие потери на фронтах, а в тылу на

армию Гитлера работала вся промышленность Западной Европы, в достатке снабжая наступающие дивизии танками и самолётами, оружием и боеприпасами.

Ведя тяжкую борьбу, советские войска под ударами врага отступали все дальше к востоку. Земли Белоруссии, Украины, Прибалтики были захвачены врагом. В руки гитлеровцев попали огромные богатства, созданные народом в течение многих лет. Миллионы наших людей оказались под страшной властью фашистов. И все ближе за спиной отступающих вставала Москва — сердце родной страны.

Гнетущее, тяжёлое чувство охватывало воинов, отходивших с оружием в руках на восток. Каждый шаг назад болью отдавался в сердце; проходя через города и деревни, нестерпимо стыдно было глядеть в глаза женщин и детей, с немым вопросом, с надеждой и мольбой смотревших на своих защитников. С каждым шагом назад всё сильнее давило душу свинцовое ощущение неотвратимой и грозной беды, нависшей над Родиной и народом, над родными и близкими людьми. С каждым метром отданной врагу земли все горячей вскипала в сердце ненависть к захватчикам. И все эти чувства — горечь и боль, стыд и раскаяние, ненависть и тревога, — как в огненной печи, медленно и постепенно переплавлялись в душе человека, образуя новый сплав особой твёрдости — каменное упорство в бою, стальную решимость стоять насмерть и любой ценой остановить врага. Так на горьких путях неудач и поражений возникала в людских сердцах великая, непреклонная воля к победе.

Именно в эти чёрные, полные горечи дни отступления в наших войсках родилась легенда о Брестской крепости. Трудно сказать, где появилась она впервые, но, передаваемая из уст в уста, она вскоре прошла по всему тысячекилометровому фронту от Балтики до причерноморских степей.

Это была волнующая легенда. Рассказывали, что за сотни километров от фронта, в глубоком тылу врага, около города Бреста, в стенах старой русской крепости, стоящей на самой границе СССР, уже в течение многих дней и недель героически сражаются с врагом наши войска. Говорили, что противник, окружив крепость плотным кольцом, яростно штурмует её, но при этом несёт огромные потери, что ни бомбы, ни снаряды не могут сломить упорства крепостного гарнизона и что советские воины,

обороняющиеся там, дали клятву умереть, но не покориться врагу и отвечают огнём на все предложения гитлеровцев о капитуляции.

Неизвестно, как возникла эта легенда. То ли принесли её с собой группы наших бойцов и командиров, пробиравшиеся из района Бреста по тылам немцев и потом пробившиеся через фронт. То ли рассказал об этом кто-нибудь из фашистов, захваченных в плен. Говорят, лётчики нашей бомбардировочной авиации подтверждали, что Брестская крепость сражается. Отправляясь по ночам бомбить тыловые военные объекты противника, находившиеся на польской территории, и пролетая около Бреста, они видели внизу вспышки снарядных разрывов, дрожащий огонь стреляющих пулемётов и текущие струйки трассирующих пуль.

Однако все это были лишь рассказы и слухи. Действительно ли сражаются там наши войска и что это за войска, проверить было невозможно: радиосвязь с крепостным гарнизоном отсутствовала. И легенда о Брестской крепости в то время оставалась только легендой. Но, полная волнующей героики, эта легенда была очень нужна людям. В те тяжкие, суровые дни отступления она глубоко проникала в сердца воинов, воодушевляла их, рождала в них бодрость и веру в победу. И у многих, слышавших тогда этот рассказ, как укор собственной совести, возникал вопрос: «А мы? Разве мы не можем драться так же, как они там, в крепости? Почему мы отступаем?»

Бывало, что в ответ на такой вопрос, словно виновато подыскивая для самого себя оправдание, кто-то из старых солдат говорил: «Всё-таки крепость! В крепости обороняться сподручнее. Стены, укрепления, пушек, наверно, много. Вот и дерутся так долго».

Крепость! Это слово, казалось, говорило само за себя, как бы объясняя долгую борьбу легендарного гарнизона. И лишь немногие из тех, что воевали на фронте, знали, какова была эта Брестская крепость, и могли бы рассказать о ней товарищам.

Что же за крепость стояла там, на границе, около Бреста? В самом ли деле так неприступны были её укрепления, в самом ли деле так грозны были её пушки?

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ

Ещё в далёкие, древние времена в том месте, где в Западный Буг впадает один из его притоков — небольшая речка Мухавец, на пологих холмах, покрытых густыми зарослями береста, возникло

славянское поселение под названием Берестье. Впоследствии это поселение превратилось в довольно значительный и укрепленный город, который, оказавшись сначала под властью Литвы, а потом — Польши, стал называться Брестом или Брест-Литовском.

Город-крепость — постоянный объект борьбы между тремя сильными государствами — русским, польским и литовским, на стыке которых он находился, — такова историческая судьба Бреста на протяжении столетий. За это время не раз появлялись под его стенами войска чужеземных завоевателей, не однажды город подвергался грабежу и разрушениям, а его жители почти поголовному истреблению.

В самом конце XVIII века эти земли снова вошли в состав России. После Отечественной войны 1812 года царское правительство решило превратить Брест в один из главных опорных пунктов русской армии в западных областях страны. Так сто с лишним лет назад у слияния Мухавца с Бугом возникла нынешняя Брестская крепость.

Русские военные инженеры, умело используя преимущества местности, создали здесь укрепления, которые были действительно неприступными по тем временам. Массивный земляной вал десятиметровой высоты оградил со всех сторон крепостную территорию, протянувшись в длину на шесть с половиной километров. В толще этого вала были устроены многочисленные казематы и складские помещения, которые могли вместить запасы, необходимые для целой армии. Там, где земляной вал не пролегал по берегу реки, у подножия его были прорыты широкие рвы, заполненные водой из Буга и Мухавца. Эти рвы в сочетании с естественными рукавами рек образовывали как бы четыре острова — четыре укрепления, составляющие вместе Брестскую крепость.

Мухавец, который здесь течёт прямо на запад, незадолго до впадения в Буг разделяется на два рукава. Омываемый с севера и юга этими двумя протоками, а с юго-запада самим Бугом, в центре крепостной территории лежит небольшой возвышенный островок. Этот остров и стал цитаделью — центральным ядром Брестской крепости.

В отличие от трех других частей крепости он не был обнесён земляным валом. Зато по всей его внешней окружности тянулось одно непрерывное двухэтажное строение из темно-красного

кирпича — здание крепостных казарм, образующее сплошное кольцо, или, как тогда говорили, «рондо».

Пятьсот казематов казарменного здания могли вместить гарнизон численностью в двенадцать тысяч человек со всеми запасами, нужными для жизни и боя этих войск на длительное время. Кроме того, под казармами находились обширные подвалы, а ещё ниже подвалов, как бы во втором глубинном этаже, протянулась во все стороны сеть подземных ходов, которые не только соединяли между собой различные участки Брестской крепости, но уходили на несколько километров за пределы крепостной территории.

Толстые, полутораметровые стены казарм успешно могли противостоять снарядам любого калибра. Надёжно защищённые этими стенами, стрелки имели возможность почти безнаказанно обстреливать наступающего неприятеля через узкие прорези бойниц. Здесь и там на внешней стене казарм полукругом выдавались вперёд полубашни с такими же бойницами для флангового обстрела атакующего противника. Двое ворот — Тереспольские и Холмские — в южной части кольцевого здания и большие трехарочные ворота в северной его части глубокими туннелями соединяли внутренний двор казарм с мостами, ведущими к трём другим укреплённым секторам крепости.

Эти три укрепления прикрывали со всех сторон центральную часть — цитадель. Два из них, так называемые Западный и Южный острова, защищали её с юга. Самое же обширное укрепление, занимавшее почти половину всей крепостной площади, ограждало Центральный остров с севера, охватывая его словно большой подковой, концы которой упирались в Буг и Мухавец.

Ядро крепости было защищено отовсюду. Прежде чем приблизиться к крепостным казармам, осаждающий противник должен был овладеть по меньшей мере одним из трех внешних укреплений. А каждое из этих укреплений, окружённое валом и водой, со своими бастионами и рavelинами, с прочными укрытиями для солдат и орудий, со складами боеприпасов и снаряжения, размещёнными в глубине валов, тоже представляло собой настоящую крепость.

В 1842 году строительство было закончено, и над Брестской крепостью был торжественно поднят военный флаг России. Можно было с уверенностью сказать тогда, что над Западным Бугом встала

поистине грозная твердыня — одна из самых современных и мощных крепостей. Вопрос заключался лишь в том, надолго ли она останется такой?

В войнах прошлого, когда борьбу вели сравнительно небольшие массы войск, крепости играли очень важную роль. Крепость с сильным гарнизоном могла остановить наступление целой армии противника. Неприятель, опасаясь действий этого гарнизона в своём тылу, не решался пройти мимо, а вынужден был предпринимать долгую и трудную осаду или блокировать крепость, выделив для этого значительную часть своих сил. Случалось, что порою вся война сводилась к борьбе за овладение теми или иными крепостями.

Фортификация — отрасль военно-инженерного искусства укрепления местности в военных целях и, в частности, строительства крепостей. Эта отрасль развивалась в постоянном и тесном взаимодействии с прогрессом военной техники вообще. Особенно же сильное влияние на крепостное строительство оказывало развитие артиллерии, и в известном смысле пушки не только разрушали, но и создавали крепости.

Артиллерия властно диктовала инженерам свои требования. От калибра снарядов, от их пробивной силы зависели толщина стен крепости и другие особенности её укреплений. Дальнобойность орудий во многом определяла размеры крепостной территории. Чем дальше летели снаряды, тем дальше вперёд приходилось выносить внешние укрепления крепости, чтобы надёжно обезопасить от неприятельского огня её центральное ядро — цитадель. Словом, с момента появления первых пушек история крепостей, по существу, стала историей их борьбы с артиллерией.

В середине прошлого века новая Брестская крепость вполне отвечала требованиям военной техники того времени. Но уже несколько лет спустя Крымская война и оборона Севастополя наглядно показали, что эта техника двинулась дальше и что ни одна из существующих крепостей не может считаться достаточно современной. А вскоре после этого произошла подлинная революция в артиллерии, которая тотчас же повлияла на судьбу крепостей.

Наряду с прежними гладкоствольными пушками появились первые орудия с нарезами в канале ствола. Это резко увеличило как дальнобойность артиллерии, так и точность её огня. Теперь любая

крепость оказывалась уязвимой на всю глубину своей территории: противник, подойдя к её внешним валам, легко мог обстреливать цитадель.

Военные инженеры принялись искать выход. И они вскоре нашли его, создав так называемые фортовые крепости. Существующие крепости стали обносить поясом фортов — отдельных укреплений, снабжённых артиллерией и гарнизоном и вынесенных на несколько километров за пределы внешнего крепостного вала. Таким образом, вокруг крепости создавалось новое оборонительное кольцо — форты своим огнём держали противника в отдалении и тем самым защищали цитадель от артиллерийского огня.

Между тем нарезная артиллерия все больше совершенствовалась и дальнобойность орудий росла. Наступило время, когда это кольцо фортов оказалось недостаточным — центр крепости вновь был под угрозой обстрела.

Не оставалось ничего другого, как снова выдвинуть вперёд оборонительные позиции крепости. Вынесенный ещё на несколько километров дальше, в дополнение к первому возникает второй пояс таких же фортов. Впрочем, было ясно, что и его хватит ненадолго: с появлением ещё более дальнобойных пушек та же проблема с неизбежностью встала бы опять.

Но к этому времени возникло другое обстоятельство, которое и решило окончательно судьбу крепостей.

Эпоха империализма вывела на театры военных действий огромные, многомиллионные массы войск. С ними уже ни в какое сравнение не могла идти ни одна из армий прошлого, даже так называемая «великая армия» Наполеона, которую французский полководец двинул в 1812 году на Москву. И как только появились эти новые большие армии, крепости окончательно утратили свою стратегическую роль. Они уже не могли служить серьёзными препятствиями для наступающих войск такой численности. Вражеские армии, вторгшиеся в страну, просто проходили мимо крепостей, попутно блокируя их небольшой частью своих сил и нисколько не задерживая своего наступления. Наоборот, крепости оказывались теперь невыгодными для обороняющейся стороны — необходимость содержать в них гарнизоны отвлекала часть войск от манёвренной борьбы на решающих участках фронта, способствовала ненужному дроблению сил. А если добавить к

этому неизмеримо возросшую огневую мощь артиллерии и появление такого нового и сильного средства борьбы, как авиация, станет ясно, что судьба крепостей была бесповоротно решена: они отжили свой век.

Первая мировая война застала Брестскую крепость в самом разгаре строительства второго пояса фортов. Однако уже начальные месяцы войны на Западном фронте, где немцы развивали мощное наступление против бельгийских и французских войск, показали русскому командованию, что реконструкция крепостей не спасёт их. Самые мощные, самые современные крепости Бельгии и Франции, такие, как Льеж, Намюр, Мобеж, были не в силах остановить или даже надолго задержать наступление немецких войск и пали одна за другой в течение нескольких дней.

Это было поучительно, и русское командование извлекло уроки из боев на Западном фронте. Работы в Брестской крепости были прекращены, а её гарнизон и почти всю артиллерию отправили на фронт. В крепости остались лишь склады, а сама она стала местом формирования резервных дивизий для фронта. Когда же летом 1915 года немцы предприняли наступление на Восточном фронте и подошли к Бресту, большая часть складов была вывезена, а войска, находившиеся в то время в крепости, по приказу командования взорвали часть фортов и укреплений и отошли без боя, оставив Брест противнику. С тех пор и до конца войны Брестская крепость находилась в руках немцев, и именно здесь, в её стенах, в 1918 году был подписан тяжёлый для молодой Советской республики Брестский мир.

После империалистической войны западнобелорусские области стали частью Польши, и её войска хозяйничали в Брестской крепости на протяжении двадцати лет, вплоть до 1939 года, когда земли Западной Белоруссии вошли в состав Белорусской Советской Социалистической Республики.

В Брестскую крепость пришли советские войска. Впрочем, эти старые укрепления в наше время уже невозможно было считать крепостью. В век авиации, танков, мощной артиллерии и тяжёлых миномётов, в век тротила и тринитротолуола ни земляные валы, ни полутораметровые кирпичные стены не в силах были устоять перед огневой мощью современной армии и не могли служить сколько-нибудь существенным препятствием для наступающих войск. Но

зато казармы центральной цитадели и складские помещения, находившиеся в толще валов, вполне можно было использовать для размещения воинских частей и необходимых запасов. Именно в этом смысле, и только в этом смысле, как казарма и склад. Брестская крепость ещё продолжала оставаться военным объектом.

Правда, наше командование решило построить на берегу Западного Буга обширный укрепленный район, в который должна была войти и Брестская крепость. Для этого предстояло переоборудовать некоторые крепостные форты, соорудить здесь и там мощные бетонные доты с орудиями и пулемётами, устроить противотанковые рвы и надолбы. В течение 1940-го и первой половины 1941 года наши войска усиленно занимались этим строительством, но к началу войны укрепленный район ещё не был готов, доты стояли необорудованными, и почти никакой роли в обороне Бреста и крепости эти незавершенные укрепления сыграть не могли.

Даже весь внешний облик Брестской крепости был каким-то удивительно невоенным. Земляные валы уже давно поросли травой и кустарником. Повсюду огромные многолетние тополя высоко вздымали свои густые зелёные кроны. Вдоль берега Мухавца и обводных каналов пышно росли сирень и жасмин, наполнявшие весной пряным запахом всю крепость, и плакучие ивы низко склоняли ветви над тёмной спокойной водой. Зелёные газоны, спортивные площадки, крепостной стадион, аккуратные домики командного состава, дорожки, посыпанные песком, яркие цветы на клумбах, посаженные заботливыми руками жён командиров, звонкие голоса играющих тут и там детей — все это особенно в летнее время придавало крепости совсем мирный облик. Если бы не часовые у туннелей крепостных ворот, не обилие людей в красноармейской форме в крепостном дворе, если бы не пушки, рядами стоявшие на бетонированных площадках, этот зелёный уголок скорее можно было бы принять за парк, чем за военный объект.

Нет, в 1941 году Брестская крепость оставалась крепостью только по названию. И если фронтовая легенда, о которой рассказано в предыдущей главе, содержала правду, то стойкость крепостного гарнизона отнюдь нельзя было объяснить мощью укреплений.

Но, может быть, многочисленным и сильным был сам гарнизон? Может быть, там, за старыми валами и стенами крепости, находились войска, до зубов вооружённые новейшей военной техникой и вполне готовые встретить первый удар врага?

Весной 1941 года на территории Брестской крепости размещались части двух стрелковых дивизий Красной Армии. Это были действительно стойкие, закалённые, хорошо обученные войска, и они день ото дня продолжали совершенствовать свою воинскую выучку в продолжительных и трудных походах, на стрельбах, в постоянных занятиях, на учениях и манёврах.

Одна из этих дивизий — 6-я Орловская Краснознамённая — имела долгую и славную боевую историю. Она была сформирована в декабре 1918 года в Петрограде, в основном из рабочих Путиловского завода. В 1919 году она получила крещение в боях против Юденича в районах Нарвы, Ямбурга и Гатчины. А когда Юденич был разгромлен, частям дивизии поручили нести пограничную службу на эстонской границе и вдоль побережья Балтики.

Но уже летом 1920 года её полки погрузились в эшелоны и отправились на Западный фронт. Там дивизия приняла участие в польском походе и в составе наступавших частей Красной Армии достигла подступов к Варшаве.

С окончанием гражданской войны она была размещена в Орле и его окрестностях и именно тогда получила наименование Орловской. А в декабре 1928 года 6-ю дивизию, отмечавшую своё десятилетие, Советское правительство за боевые заслуги перед Родиной наградило орденом Красного Знамени.

Другая, 42-я стрелковая дивизия была сформирована в 1940 году во время финской кампании и уже успела хорошо показать себя в боях на линии Маннергейма. Многих её бойцов и командиров правительство наградило за доблесть и мужество орденами и медалями. Лучшим в этой дивизии считался 44-й стрелковый полк, которым командовал недавно окончивший Академию имени М. В. Фрунзе майор Пётр Гаврилов. Доброволец 1918 года, участник гражданской войны, коммунист почти с двадцатилетним партийным стажем, майор Гаврилов обладал недюжинными организаторскими способностями, был мужественным, волевым человеком, очень строгим и требовательным командиром, который с большой настойчивостью

обучал и воспитывал своих бойцов. Этому человеку в дальнейшем суждено было сыграть выдающуюся роль в организации героической обороны Брестской крепости.

Но если ещё весной крепость была довольно густо населена войсками, то уже в начале лета 1941 года полки обеих дивизий, артиллерийские и танковые части были, как всегда, выведены в лагеря, расположенные в окрестностях Бреста. Началась обычная летняя лагерная учёба, шли работы по сооружению укрепленного района на берегу Западного Буга. В крепости остались лишь штабы да дежурные подразделения от полков, большей частью одна-две роты.

Таким образом, в ночь на 22 июня 1941 года, когда началась война, гарнизон Брестской крепости был очень небольшим и насчитывал в общей сложности около двух полков пехоты. Если вдобавок учесть, что все это были мелкие подразделения от разных частей, да ещё разбросанные по всей крепостной территории и не представлявшие в целом единого слаженного войскового организма, станет понятным, насколько трудной в этих условиях была оборона. Что же касается артиллерии и танков, то их оставалось в крепости совсем мало, и к тому же часть машин и пушек с вечера была разобрана и оставлена так до утра в связи с назначенным на воскресенье смотром боевой техники.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.